

Елена Михалкова

Черная кошка в белой комнате

Часть сборника
Crime story № 6 (сборник)

Елена Михалкова

Черная кошка в белой комнате

«ЭКСМО»

2008

Михалкова Е. И.

Черная кошка в белой комнате / Е. И. Михалкова — «Эксмо»,
2008 — (Расследования Макара Илюшина и Сергея Бабкина)

ISBN 978-5-457-11068-7

«Маша открыла дверь своим ключом, и до нее донеслись голоса из комнаты. Макар что-то размеренно объяснял, время от времени его прерывал низкий голос Сергея. — ...потому что правилами это запрещено, — услышала она обрывок фразы перед тем, как заглянула в гостиную, где ее муж и Макар Илюшин сидели перед доской с нардами, один с напряженным выражением лица, другой с беспечным...»

ISBN 978-5-457-11068-7

© Михалкова Е. И., 2008

© Эксмо, 2008

Елена Михалкова

Черная кошка в белой комнате

Маша открыла дверь своим ключом, и до нее донеслись голоса из комнаты. Макар что-то размеренно объяснял, время от времени его прерывал низкий голос Сергея.

– ...потому что правилами это запрещено, – услышала она обрывок фразы перед тем, как заглянула в гостиную, где ее муж и Макар Илюшин сидели перед доской с нардами, один с напряженным выражением лица, другой с беспечным.

– Машка! – Сергей вскочил, заметив жену. – Я и не услышал, как ты вошла.

– Привет! – Она чмокнула мужа в щеку, с облегчением опустила в кресло и вытянула ноги, уставшие от туфель. – Наконец-то я дома... Макар, ты его обыграл?

– Если бы! – отозвался тот, ухмыляясь. – Пытаюсь для начала объяснить ему правила. Как вечеринка, Маш?

Она покачала головой.

– Даже не знаю, что ответить. Я боялась худшего, но все прошло неплохо. Если не считать...

Она замолчала, глядя на доску, на которой были расставлены синие и зеленые камешки, взятые из ее вазы.

– Камешки вернем, – заторопился Сергей. – Ты не договорила. Если не считать – чего?

– Загадки, – ответила Маша, отводя взгляд от камешков. – Одной простой загадки. Ерунда, конечно, но ее никто не отгадал.

– Что за загадка? – заинтересовался Илюшин. – Кто такой маленький, серенький, на слона похож?

– Нет. – Маша невольно рассмеялась. – Кстати, кто это?

– Не скажу. Сначала твоя загадка.

– Загадка такая... – медленно протянула она. – Человек зашел в пустую комнату, держа в руке толстую тетрадь. Провел там десять минут. Затем вышел, но тетради при нем уже не было. И в комнате ее не нашли. Вопрос – где была тетрадь?

Макар с Сергеем переглянулись.

– Я думал, у тебя настоящая загадка... – разочарованно протянул Сергей. – Хочешь, я тридцать тетрадей спрячу в нашей комнате, и ты ни одну не найдешь?

– Нет, ты не понял. Комната была совершенно пустой. Только стены, и еще...

– И еще?

– И еще рулон обоев вдоль одной стены, и старый трельяж возле другой. Даже не старый, а старинный. Но в нем ничего не было, мы его тщательно осмотрели...

Маша замялась, провела тонкими пальцами по вискам.

– Я и в самом деле не могу понять, куда можно было спрятать тетрадь в пустой комнате, – призналась она, поднимая на мужа серые глаза. – Не поверишь – думала об этом все дорогу. И не могу перестать думать до сих пор. И ведь спор-то глупый, детский...

– Значит, был спор?

– Да... Что-то вроде пари...

– Знаешь, Машка... – Сергей решительно хлопнул доску, и камешки загромыхали внутри. – Расскажи все сначала. Макар, ты не против?

– Нет, мне тоже интересно. В нарды я тебя успею обыграть.

Маша внимательно посмотрела на обоих, убедилась, что они не шутят, и сказала:

– Вечеринка была у Гроздовых. Они своеобразные люди...

Вечеринка была у Гроздовых. Их считали своеобразными людьми – конечно, исключительно из-за Алевтины Гроздовой, супруги Анатолия Ильича. Ее своеобразия хватало на двоих, и, пожалуй, даже к лучшему было, что Анатолий Ильич не претендовал на собственную оригинальность. «Моя жена вегетарианка, – любил цитировать он известный фильм, объясняя новые затеи супруги. – Это и меня в какой-то степени делает вегетарианцем. Помните, откуда это?»

Обычно никто не помнил.

Анатолий Ильич, сорокапятилетний краснолицый мужчина, массивный, как перекормленный боров, был похож на мясника. Он действительно умел и любил разделывать мясо и держал в квартире для этой цели несколько качественных дорогих ножей, к которым не допускал утонченную супругу. Впрочем, Алевтина Дмитриевна и не покушалась на ножи, равно как и на разделку мяса. Она была убежденной вегетарианкой. Анатолий же Ильич в противовес любимой цитате увлечение жены вегетарианством не только не разделял, но и всячески высмеивал и по вечерам с удовольствием демонстрировал ей собственноручно пожаренные бифштексы, из которых при надрезе вытекала розоватая жидкость. Когда он, шевеля мясистыми ноздрями, водил лицом над тарелкой, изображая экстаз, Алевтина презрительно морщилась и выходила в другую комнату. Анатолий Ильич, оставшись один, не торопясь съедал бифштекс, смакуя каждый кусочек, и не отказывал себе в удовольствии сытно рыгнуть, проходя мимо супруги. И, разумеется, извиниться с самым покаянным видом.

Роль страдальцы, вынужденной терпеть плебейские повадки супруга, Алевтина Дмитриевна играла безупречно. Номер с выходом «под бифштексы» Анатолий Ильич исполнял три раза в неделю, и три раза в неделю неподдельное искреннее удивление, сменяющееся брезгливостью, отражалось на лице его жены. А затем, когда супруг дефилировал мимо, демонстрируя всеми доступными способами удовлетворение от ужина, она утомленно прикрывала глаза на три секунды, и случись в эти три секунды рядом благодарный зритель, он оценил бы и страдальчески сведенные брови, и презрительно изогнутую нижнюю губу, и небрежный жест рукой: «Пшел вон, мужик».

Подруги деликатно сочувствовали Алевтине Дмитриевне. Но только вполголоса и только изредка, когда она сама поощряла намеком их сочувствие. Все знали, что Анатолий Ильич, бывший, как ни странно, вовсе не мясником, а партнером юридического агентства «Гроздев и Калугин», обеспечивает супругу и ее родителей, а также Алевтининого младшего брата с женой, живущих в другом городе. За это, полагали подруги, Анатолию можно простить и плебейство, и отказ исповедовать вегетарианство, и его грубоватые насмешки над супругой. К чести Алевтины стоит сказать, что она придерживалась такой же точки зрения.

Сама Алевтина Дмитриевна была женщиной утонченной. Ей нравилось, когда о ней так говорили, и для полного соответствия этому образу она постоянно сидела на диетах, добиваясь аристократической худобы. Собственно, причиной ее вегетарианства была исключительно забота о фигуре, и Анатолий Ильич, к ее большому огорчению, об этом догадывался: хотя Алевтина не оставляла попыток убедить его, что лишь переживание за животных заставляет ее отказываться от котлет, мясных супов и отбивных.

Выйдя замуж за Гроздева десять лет назад, она оставила нелюбимую работу и занялась тем, к чему у нее действительно лежала душа, – получением удовольствия от жизни. Занятие это, кажущееся на первый взгляд легким, на практике осваивают далеко не все. Но у Алевтины обнаружились способности. Она с удовольствием обустроивала квартиру, с удовольствием ухаживала за собой, с не меньшим удовольствием посещала театры, концерты и выставки и в целом вела ничем не отягощенную жизнь обеспеченной дамы, считающей себя интеллектуалкой.

Дом был обустроен с учетом ее требований, которые Анатолий называл капризами, а сама Алевтина – необходимыми условиями для комфортной жизни. Именно из-за них ее считали оригиналкой. Алевтина терпеть не могла технику в любом виде, начиная от микроволновых печей и заканчивая компьютерами, и настаивала на том, чтобы их не было в квартире. Машину ей приходилось терпеть как меньшее из зол, и со временем она даже научилась сносно ее водить. Но огромный плазменный телевизор, уродовавший гостиную, был спрятан за вращающейся панелью, стоявшей едва ли не больше, чем сам телевизор.

– Все, что работает на электричестве, оказывает отрицательное воздействие на мозг, – объясняла Алевтина любопытствующим. – Я на себе неоднократно убеждалась. Почитайте рассказ Стивена Кинга «Баллада о гибкой пуле», он очень верно об этом написал.

Алевтина Дмитриевна не любила прогресс и не раз говорила, как хорошо было жить в восемнадцатом веке, когда не существовало современного технического безумия вокруг. В этом она не была бы оригинальной, если бы не следовала в жизни некоторым правилам: никогда не летала на самолетах, предпочитая поезд либо морское путешествие, упорно избегала современных материалов, в том числе в одежде, и даже писала не шариковой ручкой, а перьевой. Служить культу утонченного эстетизма рядом с мужем, который чавкал над бифштексами, было непросто, но Алевтина Дмитриевна держалась.

– Алька – чудачка, – говорила о ней Марина, одна из двух близких ее подруг. – Но она всегда такая была. И ведь идут же ей ее чудачества!

В этом Марина была права. Алевтине – высокой, гибкой, надменно-томной – шли ее чудачества. Возможно, именно привлеченный сочетанием старинной романтичности и хватки, и женился на ней в свое время Анатолий Ильич. Он ценил в жене то, что она не играла в декаданс, а искренне старалась жить им, и, грубовато подсмеиваясь над ней, в то же время соглашался прятать ноутбук в ящик, обитый специальным материалом, экранировавшим неведомо какое излучение.

Вечеринка, на которую пригласили Машу, была посвящена двум поводам сразу – переезду Гроздовых в новую квартиру и дню рождения Алевтины. Первое для Гроздовой было куда важнее второго, потому что квартиру она подыскивала долго и тщательно. Обязательным условием был парк неподалеку – по утрам она любила гулять, во время прогулки сочиняла стихи.

Результатом ее поисков стала пятикомнатная квартира в новостройке возле одного из больших московских парков. Новостройки Алевтина тоже не любила, но расположение дома было таким удачным, что она смирилась. Квартиру не успели толком обставить, и одна из комнат стояла совершенно пустой, но решением Анатолия Ильича вечеринку не стали переносить.

– Пока ты, дорогая, обставляешь спальню, пройдет еще полгода, – прямо сказал он супруге. – Так что созывай, кого хочешь, но сейчас. Подходящего стола на кухню нет? А мы на чем едим? Что значит старый, неподходящий? Закрой скатеркой, будет подходящий.

Алевтина закатила глаза, но спорить с мужем не стала.

Вот потому новоселье у Гроздовых отмечали в полупустой квартире, а горшки с цветами, подаренные Алевтине (срезанные цветы она не любила, считала мертвыми), ставили на все свободные поверхности. В столовой Маша пару раз задела конусовидную темно-зеленую башенку, похожую на можжевельник, и переставила ее на полку в коридоре, поборов в себе желание встать рядом и превратиться в какой-нибудь кактус, чтобы никто ее не замечал и не трогал.

С Алевтиной ее познакомила общая приятельница, и Гроздева, узнав, что Маша пишет стихи, тут же пригласила ее на новоселье. Маша не обольщалась по поводу того, что приглашение вызвано личной симпатией. Алевтина Дмитриевна хотела разбавить прозаичных гостей, большинство из которых были коллеги Анатолия Ильича, творческим человеком.

«Вы же поэт, – улыбаясь, сказала она Маше. – Мне будет очень интересно поговорить с вами о поэзии, поверьте».

Маша не собиралась разговаривать с Алевтиной о поэзии, потому что терпеть не могла подобные разговоры. И сама она не считала себя поэтом. Маша писала исключительно стихи для детей, никогда не покушаясь на «взрослую» поэзию, но Алевтина не сочла нужным принять это во внимание. Пишет стихи? Пишет. Значит, поэт!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.